

УПРАВЛЕНИЕ ВОСПРИЯТИЕМ

А.В. Будаев

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ИНТЕРЕСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В современной российской политической науке и практике термин «мягкая сила» получил чрезвычайно широкое толкование. Объясняется это тем, что концепт мягкой силы был заимствован из англосаксонской неолиберальной литературы, переведен на русский язык сразу несколькими авторами, даже не поставившими перед собой задачу согласовать (синхронизировать) эти переводы друг с другом, и, тем самым, вложивших в оболочку термина «мягкая сила» свой собственный смысл, не похожий на творения классиков неолиберализма. Довольно много российских авторов вообще обошлись без перевода (английский язык в Российской Федерации знают многие), полагаясь в понимании сути термина «мягкая сила» целиком и полностью на собственную интуицию. В результате на свет появилось множество интерпретаций этого термина, часто весьма далеких от оригинала и порождающих определенную путаницу в исследовании опыта применения инструментов мягкой силы во внешней политике современных государств.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, Россия, мягкая сила, конфликты, дипломатия, государство, интересы, ценности, безопасность

По мнению А.В. Демидова, генерального консула РФ в Карачи, Пакистан, «анализ выступлений государственных и политических деятелей разных стран, включая Россию, трудов отечественных и зарубежных политологов, оперирующих этим понятием, показывает отсутствие единого понимания значения «мягкой силы», его исторических и геополитических корней»¹. С этим утверждением можно согласиться.

Крупнейшие классики российской политической науки, такие как проф. П.А. Цыганков, предпочитают рассматривать мягкую силу сквозь призму воззрений американских авторов, относящихся к трем основным школам – неореализму, неолиберализму и конструктивизму, которые, в зависимости от своего мировоззрения, приверженности традициям и того положения, которые они занимают на «баррикадах научных бабалий», либо поддерживают точку зрения Дж. Ная и его последователей,

давая при этом свою интерпретацию уточняющего характера, либо с той или иной степенью активности критикуют этот подход, выдвигая взамен неореалистические или конструктивистские концепты. Сравнительный анализ точек зрения этих авторов, приведенный, например, в работах П.А. Цыганкова (МГУ им. М.В. Ломоносова)² или Т.А. Алексеевой (МГИМО (У) МИД РФ)³, позволяет убедиться в том, что даже в самом сердце американской политической науки значение этого термина остается во многом дискуссионным.

Часто понятие мягкой силы и близкие ей понятия публично дипломатии, умной силы, цветных революций смешивают и используют как синонимы, описывающие с разных сторон одно и то же явление. В различных кругах российских ученых, политиков и дипломатов растет обеспокоенность тем, что «в современном мире, для которого характерны процессы глобализации, т.е. выстраивания

¹ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // Международные отношения. 2014. №2.

² Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.

³ Алексеева Т.А. Современные политические теории: опыт Запада: Курс лекций. М. РОССПЭН. 2000. 479 с.

политических и социально-экономических стандартов по единой модели, предлагаемой единственной сверхдержавой, в последнее время для решения межгосударственных проблем на смену традиционным боевым действиям стали приходиться технологии действий не прямых, действий, зачастую подрывающих государство-соперника изнутри. Названий таким технологиям много: «мягкая сила», «умная сила», «управляемый хаос» и т.д. Под всеми этими дефинициями подразумеваются различные средства, подрывающие политический и экономический потенциал государства. Более того, к таким средствам можно отнести и т.н. «твиттерные» революции, искусственно созданные оппозиции, раздувающие протестные движения. Характерной особенностью реализации рассматриваемых стратегий в нужной Западу стране и даже в целом регионе к событиям, происходящим там открыто применяются двойные стандарты⁴. В этой версии различия между мягкой силой и «умной силой», цветными революциями, технологиями «управляемого хаоса» и рефлексивного управления стираются перед лицом тех системных рисков и угроз международной безопасности, которые, по мнению А.В. Демидова⁵, несут эти явления.

По мнению Г.Ю. Филимонова, мягкая сила – «символическое понятие, отражающее американское политическое мировоззрение и подходы США к пониманию специфики невоенных компонентов внешнеполитического могущества государства»⁶. При этом ученый считает, что российскую мягкую силу «необходимо рассматривать в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами начинают уступать место сетевым структурам»⁷. А.И. Сухарев считает, что мягкая сила – это «одна из форм внешнеполитической стратегии государства, а также комплексный ме-

ханизм влияния через систему «привлекательных предпочтений»⁸, набор политтехнологических приемов, методов и средств, имеющий свою самостоятельную функциональную и видовую нишу в политике⁹. По мнению исследователя, мягкая сила «ориентирована на оказание влияния и побуждение оппонента (партнера) действовать в заданных политических параметрах»¹⁰. По мнению В.М. Капицына, негосударственные акторы – основные проводники мягкой силы, «существуя в “другом измерении” международных отношений, оказывают непосредственное влияние на мировые процессы, зачастую пользуясь почти исключительно ресурсами soft power. Например, международная организация “Human Rights Watch” опубликовала в 2003 г. доклад, в котором содержалась жесткая критика американской стратегии борьбы с терроризмом. В течение последующих 10 дней в мировых СМИ было зафиксировано 288 упоминаний этого доклада и организации»¹¹.

Существует и противоположный взгляд на проблему формирования российской мягкой силы и поиска собственной модели «мягкого» внешнеполитического воздействия: ряд российских исследователей считают, что Россия «почти безвозвратно утратила свой довольно значительный потенциал “мягкой силы”, который достался ей после распада Советского Союза. ... Потенциал этот был (отчасти еще и остается) довольно существенным, он включает в себя: информационно-культурное влияние России на страны СНГ, возможность беспрепятственного распространения продукции российской теле- и киноиндустрии, музыкальной продукции (пусть и очень низкого качества), научно-образовательную привлекательность российских ВУЗов»¹².

⁸ Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук., М., 2011, С. 44.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же

¹¹ Капицын, В.М. Космополитизм - компонент “мягкой силы” и глобального управления: [Текст] // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. - 2009. - № 10. - С. 70.

¹² Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал “мягкой силы” России: [Текст] / М.М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО университета. - 2009. - № 6. - С. 200.

⁴ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // Международные отношения. 2014. №2.

⁵ Там же.

⁶ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

⁷ Там же.

Однако, по мнению Казанцева А.А., Меркушева В.Н., он (потенциал российской мягкой силы) настолько ослаблен, что говорить о реальном вкладе мягкой силы в реализацию российской внешней политики, как минимум, преждевременно: «когда-то Россия распространяла свое влияние благодаря русскому языку. Но эти каналы воздействия отошли в прошлое»¹³. По мнению Ф.В. Шелова-Коведяева, «даже если РФ изредка и прибегает к “мягкой силе”, то главным образом для укрепления своей же “жесткой силы” и для реализации задач, далеких от повышения собственной “привлекательности”»¹⁴.

В результате продолжающейся дискуссии. Принимающей порою острые формы, в российской политической науке сформировалось несколько основных подходов к определению термина «мягкая сила»:

- представители первого подхода исходят из того, что в определении мягкой силы надо исходить из базового определения, разработанного школой политического неолиберализма в лице таких видных теоретиков как Дж. Най-мл.¹⁵ и Р. Кеохейн¹⁶. Этот подход методичен и вполне обоснован, обладает своей стержневой логикой: поскольку происходит перенос определенной терминологии из американской политической науки в российскую, необходимо придерживаться точного перевода той дефиниции, которую выработали американские специалисты. И, двигаясь от этой отправной точки, формировать собственные конструкции и концепции, адаптированные под российские условия. Таким образом, нет смысла искать собственное определение мягкой силы – соперничать в этом деле с неолиберальными англосаксами все равно, что заново изобретать велосипед. Эта ступень уже пройдена; необходимо делать шаг на сле-

дующую ступень развития этой концепции, где уже достаточно свободного пространства для того, чтобы внести в англосаксонскую концепцию мягкой силы элементы российско-славянско-православной политической культуры и традиции;

- представители второго подхода отождествляют мягкую силу с публичной дипломатией, гуманитарным сотрудничеством, культурным влиянием и обменом, зачастую отождествляя мягкую силу с одним из этих понятий. При интуитивном (нестрогом) понимании мягкой силы такой подход в целом не вызывает возражений даже у специалистов-практиков (за исключением тех самых американских неолибералов, которые об этом просто не знают); Главным признаком мягкой силы для представителей данного подхода является особый состав акторов, являющихся носителями и проводниками мягкой силы в мировой политике и международных отношениях: это так называемые негосударственные акторы международных отношений, особые участники мировой политики, «акторы вне суверенитета» (такие как международные организации, движения, фонды, транснациональные корпорации, международные политические партии и т.д.). То есть, все те силы, которым традиционная Вестфальская система, основанная на примате наций-государств, отказывает в правах и в особой роли в мировой политике. В этом контексте нередко упоминают Ватикан или Русскую православную церковь¹⁷, рассматривая эти организации как институты мягкой силы;
- представители третьего подхода отождествляют с мягкой силой технологии информационно-психологического воздействия на массовое сознание и поведение, применяющиеся в мировой политике в двух основных организационных формах – в форме информационной (информационно-психологической) войны и в форме специальных психологических операций. При этом представители данного подхода отмечают, что формат применения инструментов мягкой силы (под которыми

¹³ Казанцев, А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования мягкой силы: [Текст] // Полис (Политические исследования). - 2008. - №2. - С. 122.

¹⁴ Шелов-Коведяев Ф.В. Мировой кризис и инструментарий “мягкой силы” для России: [Текст] // Безопасность Евразии. - 2009. - № 3. - С. 218.

¹⁵ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics (New York: Public Affairs Group, 2004).

¹⁶ Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. 2002; Keohane R., Joseph S. Nye Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. 1977.

¹⁷ Зенков А.Р. Взаимодействие религиозных организаций и государства в современной России (на примере Русской православной церкви) / Дисс... канд.полит.наук. М., 2013.

они понимают технологии психологического управления индивидуальным и массовым сознанием и поведением) применяются в рамках определенного набора культурно-цивилизационных парадигм и моделей управления международными конфликтами, к которым принадлежат специалисты по применению мягкой силы¹⁸;

- представители четвертого подхода в основной своей массе придерживаются мнения о том, что мягкую силу определяют ее особые признаки, отличающие ее от другого концепта американской политической мысли – «жесткой силы». Линия этого раздела, по мнению представителей данного подхода, проходит по границе отношения к возможности применения в политике прямого силового принуждения: мягкая сила – это те методы политического воздействия, которые, с одной стороны, отличаются от методов традиционной дипломатии, а с другой – предполагают только «несиловую» форму оказания политического воздействия. Чем и принципиально отличаются от жесткой силы, предполагающей широкое использование именно грубых насильственных методов «убеждения» оппонентов, силового принуждения и даже государственного шантажа (как это было в войне в Югославии). Главным маркером в этом подходе для определения мягкой силы служит понятие «несиловое воздействие».

Несколько лучше обстоит дело с понятием «публичная дипломатия», которую в российской научной среде часто путают с мягкой силой (или, по меньшей мере, не совсем корректно разделяют эти два понятия). Публичная дипломатия («публичная» – в оригинале звучит как «общественная», «народная», негосударственная) – явление, возникшее в результате эрозии Вестфальской системы: ее медленный распад ведет к тому, что в современном мире функции международных отношений выполняют уже не только классические акторы этой системы – нации-государства, но и различные общественные организации, международные движения, фонды, транснациональные корпорации,

структуры гражданского общества – так называемые (по Дж. Розену) «акторы вне суверенитета»¹⁹. Основные элементы современной концепции «публичной дипломатии» сформулировал еще в 1965 г. американский политолог, декан Школы права и дипломатии им. А.Б. Флэтчера (при Университете Тафтса) Эдмунд Джуллион. Он писал, что под публичной дипломатией понимаются «средства, при помощи которых правительства, частные группы, отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения»²⁰. Согласно выдвинутой им и ставшей уже классической формулировке, публичная дипломатия – это «отношения между государствами, которые не задействуют традиционные связи правительств»²¹. По мнению Э. Джуллиона, публичная дипломатия имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики и включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии (культивирование правительствами общественного мнения в других странах, воздействие на процесс межкультурных коммуникаций). При этом публичная дипломатия использует для достижения политических целей формат открытого диалога между частными лицами и негосударственными структурами различных государств. Сам термин «публичная дипломатия» был «официально употреблен в 1977 г. в докладе комиссии Мэрфи – подкомиссии палаты представителей по организации правительственного внешнеполитического аппарата. В докладе комиссии Мэрфи функциями публичной дипломатии были признаны идеологическая защита и обоснование внешнеполитических акций»²².

Вместе с тем, как справедливо утверждает А.Э. Галумов, «такое определение публичной дип-

¹⁸ Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации. - 2012. - №2.

¹⁹ См.: Rosenau J. The Scientific Study of Foreign Policy. - N.Y., 1971; Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. - Harvester Wheasheaf. 1990.

²⁰ Definitions of Public Diplomacy // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>

²¹ См.: Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

²² Public Diplomacy and the Future, Hearing before the Subcommittee on International Relations. H. R. 95-th Congress / 1st Session. Washington, DC, 1977, p. 685

ломатии не совпадает с трактовкой, данной этому понятию официальной американской администрацией, собственно и давшей начало развитию публичной дипломатии. Согласно трактовке администрации США, публичная дипломатия – это прежде всего влияние на общественное мнение в странах, с которыми осуществляется взаимодействие с целью воздействия на внешнюю политику этих стран. При этом данная дипломатия вполне может осуществляться и на правительственном уровне»²³. С этим мнением можно согласиться: публичная дипломатия не может состоять из анархичных по своей природе деловых связей негосударственных акторов международных отношений, хотя именно руками этих самых акторов публичная дипломатия и делается. По нашему мнению, публичная дипломатия – это инструмент реализации внешней политики современного государства, в котором властью используются возможности негосударственных авторов оказывать влияние на политические элиты других государств и процесс выработки этими элитами управленческих решений, в том числе – благодаря влиянию специально сформированного общественного мнения, а также – каналы такого взаимодействия, формируемые по линии МЭО, гуманитарного сотрудничества и культурного обмена. «Актеры вне суверенитета», являясь основными субъектами публичной дипломатии, могут формировать эти связи и каналы самостоятельно, и даже оказывать частное влияние на правительственные структуры зарубежных государств, но при этом государство из этого процесса не устраняется, а управляет им в неявной форме, создавая условия для динамичного развития этих отношений, различного рода стимулы (как экономического, так и идеологического, ценностного, характера), формируя правовое поле, благоприятствующее усилению активности негосударственных акторов в установлении культурных связей с аналогичными акторами в других государствах.

Подтверждением этого авторского тезиса может служить тот факт, что в своем базовом виде механизм публичной дипломатии сформировался в США к концу 70-х гг. XX века «на основании того, что сформировалась система правительственных

учреждений, реализующих на практике функции публичной дипломатии: Агентство международного развития и сотрудничества, Агентство по контролю над вооружениями и разоружению, Информационное агентство США, Корпус мира; в структуру посольств США вошли институты, в форме специальных групп атташе по различным вопросам, осуществляющие функции публичной дипломатии, а именно реализующие пропаганду в пользу США на территории принимающих стран»²⁴. Администрация Р. Рейгана «модернизировала систему правительственных учреждений, специализирующихся на публичной дипломатии: при Белом доме была создана группа специального планирования по вопросам публичной дипломатии, которой подчинялись следующие межведомственные группы: по международной информации, международной политике, международному радиовещанию и общественным делам»²⁵. Администрация президента США Б. Клинтона обогатила публичную дипломатию новым инструментом – так называемой челночной дипломатией»²⁶. Роль государства в формировании облика публичной дипломатии при этом становится очевидной.

Однако, несмотря на существующую четкость и однозначность в понимании публичной дипломатии, установившуюся среди западных ученых (в США и ЕС), в России публичную дипломатию продолжают путать и с мягкой силой, и с пропагандой, и даже с пиаром. Так, и мягкая сила, и пропаганда, и пиар, и публичная дипломатия используют в своем арсенале инструменты и технологии информационно-психологического управления общественным мнением, воздействуют на индивидуальное и массовое сознание граждан, но – в интересах различных общественных сил, имеющих как политическую природу, так и не имеющих прямого отношения к государственной власти. Отсюда вытекают и различия: так, по мнению В.А. Кононенко, «в отличие от пропаганды главное в публичной дипломатии – не только донести свою точку зрения, но и выстроить доверительные отношения с аудиторией».²⁷ Пиар отличается от публичной дип-

²⁴ Там же. С. 39.

²⁵ Попов В. И. Современная дипломатия. Теория и практика. – М.: Научная книга, 2000, с. 484

²⁶ Там же.

²⁷ Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2. С. 195.

²³ Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского союза в Российской Федерации. / Дисс. ... канд. полит. наук. М. 2012. С. 19.

ломатии прежде всего характером преследуемых целей и тем, что в первом случае благоприобретателем выступает частная компания, а во втором – государство, действующее через своих агентов в негосударственном секторе. Вместе с тем, можно отметить, что, «когда речь идет о государственном пиаре, то есть деятельности государственных органов направленных на установление связей с общественностью, и если объектом будет зарубежная общественность, то можно говорить о том, что осуществляется публичная дипломатия»²⁸. Соотношение же между публичной дипломатией и мягкой силой можно определить как между концепцией внешнеполитической деятельности (мягкая сила) и инструментом реализации этой концепции (публичная дипломатия). Вместе с тем, близость формулировок мягкой силы и публичной дипломатии, создающая пространство для интерпретации и вольного толкования терминов и понятий, продолжает выступать основной причиной путаницы, которая проникает даже в официальные документы, причем не только Российской Федерации, но и других государств и межгосударственных образований (например, ЕС).

Следует отметить, что вплоть до февраля 2013 года ни в одном из российских официальных документов и нормативных актов термин «мягкая сила» не фигурировал. Ситуация изменилась с принятием 12 февраля 2013 года новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой под мягкой силой понимается «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»²⁹. Это – первый факт официального закрепления этого термина англосаксонского происхождения в нормативных документах Российской Федерации, свидетельствующий как об его окончательной институализации в правовом поле России, так и об определенных качественных сдвигах, которые произошли в сознании российского руководства,

принявшего решение использовать позитивную часть американского опыта «мягкого» управления мировыми политическими процессами в интересах Российской Федерации и ее внешней политики. В известной мере появление этой формулировки в новой редакции Концепции внешней политики РФ зафиксировало и так уже состоявшийся факт, который указывает на то, что в современном мире все большее число государств используют в своей внешней политике инструменты и технологии мягкой силы, вырабатывая при этом свои схемы и форматы ее применения, и Россия не может оставаться вне этого процесса. Игнорировать потенциал и возможности мягкой силы, со всеми ее системными недостатками и политическими рисками, нельзя – слишком велик риск оказаться на обочине политического процесса. Если в оборонном секторе приоритет определяет разработка и владение государством новейшими оборонными технологиями, то во внешней политике такими новейшими технологиями выступают инструменты мягкой и «умной» силы. Вместе с тем, слепое копирование англосаксонских шаблонов и схем опасно для суверенитета государства, которое рискует его потерять, во всем следуя культурно-цивилизационной парадигме Соединенных Штатов.

Появление в Концепции внешней политики РФ нового термина «мягкая сила» отражает тот факт, что в сегодняшнем, быстро меняющемся, нестабильном и менее предсказуемом мире значение «мягкой силы» объективно возрастает. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. подчеркнул, что «в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»³⁰. В этом смысле возможности российской «мягкой силы» огромны и не лимитированы какими-либо рамками.

Наряду с традиционной дипломатией, активное задействование возможностей «мягкой силы» позволяет добиваться эффективных, а главное бо-

²⁸ Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского союза в Российской Федерации. / Дисс. ... канд. полит. наук. М. 2012. С. 43.

²⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F

³⁰ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825>

лее долговременных результатов в деле обеспечения и продвижения национальных интересов. Это осознается все большим количеством государств, претендующих на роль мировых акторов: они стремятся не быть лишь объектами применения «мягкой силы», но и активно участвовать с ее помощью в формировании собственного положительного имиджа за рубежом и обеспечения геополитических позиций. Не случайно Президент России В.В. Путин, выступая 9 июля 2012 г. на совещании послов и постоянных представителей РФ, подчеркнул, что российская политика «мягкой силы» предусматривает продвижение интересов страны путем привлечения симпатий к ней, демонстрацией ее достижений в материальной и духовной культуре, а также в интеллектуальной сфере³¹.

Введение Дж. Наем и его соавтором по ряду работ Р. Кохейном в научный лексикон термина «мягкая сила» не означает, что это явление представляет собой исключительно американское изобретение. Отдельные элементы «мягкой», а точнее сказать «культурной или просвещенной» силы, проявлялись в прошлые века в политике целого ряда европейских государств, включая Россию. Во внешней политике СССР – в условиях противоборства двух сверхдержав, разных политических систем и идеологий – активно и достаточно успешно применялись элементы «мягкой силы» наряду с традиционной государственной пропагандой. О ренессансе «мягкой силы» можно говорить в связи с появлением на карте мира новой демократической России, особенно при нынешнем укреплении и консолидации ее социально-экономического положения, международного влияния и авторитета. Применительно к Бразилии и в целом Латинской Америке уместно привести цитату заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова: «Мы должны работать, используя свои преимущества... позитивное отношение людей к России, отсутствие предубеждений, понимание того, что наша страна – важная международная сила, источник полицентричного, многополярного мироустройства. Понимание

этого должно помочь нам утвердить в Латинской Америке свою роль».³²

В новой редакции Концепции внешней политики РФ мягкой силе (в ее российском изменении) придается приоритетное значение. Этим мы как будто бы стремимся нагнать и перегнать Соединенные Штаты, где мягкая сила во многих случаях уже применяется в рамках новой стратегической концепции «умной силы» – в комбинации с методами жесткой силы и конструктивного воздействия. При этом в самом тексте Концепции российская версия мягкой силы представляет нечто среднее (эkleктика) между ее американским определением и американским же понятием публичной дипломатии, в чем можно убедиться, сравнив с определением Э. Джуиллиона³³. В этом, скорее всего, нет прямого умысла – просто разработки концепции либо не слишком различали между собой эти два понятия, либо не смогли провести между ними разделительную линию. Такое часто имеет место, когда содержание того или иного понятия понимается скорее интуитивно, чем детерминировано, многочисленные интерпретации политиков и исследователей еще больше размывают его границы и внутреннюю структуру, делая понятие вариативным, и на все это накладываются еще и трудности перевода.

Вместе с тем, российское определение мягкой силы, приведенное в Концепции внешней политики РФ 2013 года, помимо американского аналога, имеет более раннего предшественника в лице определения, данного в 2012 году В.В. Путиным: ««Мягкая сила» – это комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»³⁴. Оба определения – и более раннее, прозвучавшее в газете «Московские новости» в феврале 2012 г.,

³¹ Выступление президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». — <http://kremlin.ru/news/15902>

³² Статья заместителя Министра иностранных дел России С.А. Рябкова «Латинская Америка требует особого подхода», журнал «Международная жизнь», № 2, февраль 2012г., стр.14.

³³ Согласно Э. Джуиллиону (1965 г.), публичная дипломатия – это отношения между государствами, которые не действуют традиционные связи правительств. См.: Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

³⁴ В.В.Путин. «Россия и меняющийся мир». // «Московские новости». 27 февраля 2012 г.

и более позднее, концептуально оформившееся в Концепции внешней политики РФ 2013 года, в определенной мере синонимичны, перекликаются друг с другом и, вместе с тем, демонстрируют определенную эволюционную тенденцию развития уже не американского, а собственно российского концепта мягкой силы.

Несмотря на определенную скороспелость официальной формулировки мягкой силы и очевидное заимствование ряда ее элементов и конструкций из западных аналогов, появление и закрепление (фиксация) данного термина в отечественном правовом поле представляется нам значительным шагом вперед не только в выборе новых целей и приоритетов российской внешней политики, но и в наведении порядка в методологическом плане, в подведении всего многообразия трактовок мягкой силы под единый знаменатель, начало которому положено в определении, приведенном в Концепции внешней политики РФ 2013 года. Как следствие, появление этого термина в официальных документах РФ послужило толчком для новых исследований российских авторов, опирающихся уже на эту трактовку как на некоторую базовую основу для разработки новых конструкций, как на политический детерминант. Одной из таких недавних работ является диссертация Г.Ю. Филимонова, защищенная в Дипломатической академии МИД РФ. Несмотря на то, что она посвящена мягкой силе США, есть в ней и российская составляющая³⁵.

Г.Ю. Филимонов рассматривает мягкую силу как ресурс и инструмент управления массовым политическим сознанием и поведением, и поднимает вопрос о «формировании комплексной многоуровневой и инновационной стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации, восстановления и развития арсенала «мягкой силы» России на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье»³⁶. При этом он выделяет несколько различных стратегий мягкой силы, разворачивающихся в различных сегментах информационного пространства: в эфире СМИ, в сетях (в том числе социальных), в блогосфере,

причисляя к операциям «мягкой силы» информационные и кибернетические войны, цветные и твиттерные революции, ненасильственное сопротивление и др. В результате, отталкиваясь от базового определения мягкой силы, приведенной в Концепции внешней политики РФ 2013 года, Г.Ю. Филимонов выдвигает два собственных авторских определения мягкой силы, которые являются конкретизацией исходного определения, описывая мягкую силу как явление (первое определение) и процесс (второе определение):

Во-первых, «Мягкая сила» – это сложная многоуровневая система, которая позволяет государству решать свои тактические и стратегические задачи на международной арене в официальном и неофициальном направлениях»³⁷.

Во-вторых, «Мягкая сила» – это инновационная высокоинтеллектуальная система управления сознанием, призванная усилить поддержку внешнеполитических инициатив государства среди зарубежных аудиторий. Отличительная особенность – акцент на формировании новых систем знания и стандартов управления, в том числе внешней политикой»³⁸.

Под «официальным механизмом» реализации «мягкой силы» Г.Ю. Филимонов подразумевает «государственное регулирование сферы внешней политики и публичной дипломатии»; под «неофициальным» – «неформальные каналы решения внешнеполитических задач в гуманитарной сфере»³⁹.

В этом подходе налицо попытка перейти от определения мягкой силы как инструмента внешней политики государства к описанию и характеристике мягкой силы как явления в политической жизни общества, в том числе российского. Тем самым закладываются основы для применения к исследованию роли и места мягкой силы методологии уровня анализа. Помимо этого, звучит призыв сделать следующий шаг в эволюции российской концепции мягкой силы и перейти от дефиниции к формированию комплексной стратегии мягкой силы во внешней политике Российской

³⁷ Там же.

³⁸ Филимонов Г.Ю.. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

³⁹ Там же.

³⁵ Филимонов Г.Ю.. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

³⁶ Там же.

Федерации – призыв, безусловно, актуальный и своевременный.

Вместе с тем, по мнению Т.А. Алексеевой, «сама по себе идея распространения собственного влияния на окружающий мир посредством “мягкой силы” не является такой уж новой. Так, у США и Запада в прошлом был очень удачный исторический опыт применения “мягкой силы”, в частности, во времена “холодной войны”. Несомненным успехом такого подхода можно назвать радиовещание “Голоса Америки”, радио “Свобода”, “Би-Би-Си”, а также “Самиздат” - издание за границей запрещенной в СССР литературы»⁴⁰. То есть, все новое – это хорошо забытое старое, в том числе во внешней политике России.

По мнению К.И. Косачева, мягкая сила должна стать неременным атрибутом российской внешней политики, поскольку в современных условиях «экономия [на мягкой силе – А.Б.] недешево обходится нашей стране, когда приходится латать пробелы в мягкой силе значительно более дорогими средствами, в том числе «жесткими»⁴¹. Источником российской мягкой силы в первую очередь должно быть гражданское общество, его институты и структуры, способные развивать и поддерживать связи с соотечественниками, с русскоязычными диаспорами, с политическими элитами зарубежных стран, разделяющими российские ценности и подходы к формированию внешней политики: «...по-настоящему «мягкая сила» России набирает вкус и цвет, когда о том, какие мы на самом деле, а не в зеркале прессы и в изложении недобросовестных интерпретаторов, и о том, насколько мы нужны другим странам и народам, говорим не мы сами, а люди и партнеры за рубежом»⁴². Государство, по мнению российско-

го политика, этим заниматься не должно, так как «доверия к нему [к инициативам, исходящим от действующей власти – А.Б.] все равно не будет»⁴³.

Что касается возможностей использования мягкой силы в интересах внешней политики Российской Федерации, то они, безусловно, велики как в силу особенностей международного положения России, так и в силу давних исторических традиций патронажной политики российского государства (еще начиная со времен Империи) в отношении развивающихся стран, становлению современной государственности которых Россия во многом содействовала. В годы СССР был нарабатан колоссальный авторитет среди населения и политических элит развивающихся стран, многие из которых только вышли из эпохи колониализма, а некоторые были напрямую обязаны обретению независимости усилиям Советского Союза. Этот авторитет во многом сохранился в различных регионах мира, население которых рассматривает демократическую Россию как преемника СССР. Этот авторитет, основанный, в том числе, и на привлекательности российских культурно-цивилизационных ценностей, может служить фундаментом для нового формата российской внешней политики, основанной на собственной мягкой силе.

Мягкая сила России может и должна служить исполнению ее цивилизационной миссии, оформившейся еще в имперский период: на мировой арене Россия выступает за сохранение культурного и цивилизационного многообразия наций и народов, населяющих Земной шар, против возрождения политики неоколониализма и глобальной унификации, разделения мира на «золотой миллиард» и сырьевые придатки. Эти концепты российской политики придают отечественной мягкой силе глубокие морально-нравственные основания. Формирующаяся сегодня российская культурно-цивилизационная модель управления международными конфликтами, основанная на российском ресурсе мягкой силы, в качестве одного из основных принципов выдвигает принцип альтернативности в выборе условий урегулирования и разрешения конфликтов, который сочетается с принципом свободы выбора участниками конфликта той или иной альтернативы из предлагаемого миротворцами разнообразного

⁴⁰ Алексеева, Т.А. Насилие и демократия в политике США: [Текст] // Международные процессы. - 2008. - № 2. - С. 33.

⁴¹ Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И.Косачева газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.

⁴² Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И.Косачева газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.

⁴³ Там же.

их набора, в котором конфликтующие стороны находят для себя наилучшее решение из многих возможных (принцип наилучшей альтернативы)⁴⁴. Этим российский подход к мягкой силе в разрешении конфликтов принципиально отличается от подхода США, которые в конфликтах стремятся преобразовать политические системы своих оппонентов под собственную модель «демократического» мира, путем безусловного приема конфликтующими сторонами базовых ценностей англосаксонской цивилизации – либеральных свобод, демократических институтов, индивидуализма и неопротестантизма.

По мнению К.И. Косачева, в государственном перевороте 2014 года на Украине мягкая сила США и ЕС сыграла далеко не последнюю роль: «наши конкуренты и оппоненты все эти годы наращивали свое влияние на украинские умы массированным задействованием инструментария мягкой силы»⁴⁵, в то время как Россия полагалась в основном на возможности традиционной дипломатии и работала не с народом, а с узкими группами украинской элиты. Если бы Россия ответила на мягкую силу Евромайдана собственной мягкой силой, многое (если не все) бы могло сложиться иначе.

Не случайно многие российские исследователи видят в российской мягкой силе фактор, способный противостоять цветным революциям и повторения в России и в ближнем зарубежье сценария «Арабской весны»⁴⁶, особенно, в связи с недавними событиями на Украине (Евромайдан 2014 г.). Это утверждение имеет, с нашей точки зрения, имеет все основания: во-первых, революции «Арабской весны» - это технологии англосаксонской мягкой силы, а мягкой силе другого государства можно противостоять, только располагая аналогичным арсеналом инструментов внешнего воздействия; во-вторых, в цветных революциях «Арабской

весны» напрочь отсутствует такой важный компонент любой настоящей революции как революционная идеология – тот набор идеалов и ценностей, который движет истинными революционерами, подавляющее большинство которых – идеалисты. Между тем, ценности и идеалы – это основной базовый компонент и основание мягкой силы, без него технологии мягкой силы теряют в своей эффективности. А в российской мягкой силе этот компонент – ценности и идеалы, закрепившиеся в массовом сознании и подсознании в виде культурно-исторических архетипов, безусловно, присутствуют и становятся как никогда сильны в условиях внешнеполитических кризисов и перемен. В этом преимущество российской мягкой силы, которое позволит ей эффективно противостоять сценариям и технологиям цветных революций и «управляемого хаоса».

Кроме того, в современном мире Россия выступает не в одиночку, а в союзе с партнерами и единомышленниками, с которыми она выстраивает партнерские отношения. Основной формат этих отношений известен – это формат «стратегического партнерства», который у России существует со многими государствами: с Индией, Китаем, Бразилией (в формате БРИКС), государствами Центральной Азии (в форматах ШОС и ОДКБ) и т.д. В сохранении прочностей этих отношений ключевую роль играют факторы мягкой силы, культурного и цивилизационного притяжения, которые обеспечивают сближение государств на основании одинаково понимаемых и разделяемых ими ценностей, идеалов, взглядов, в том числе – на мировую политику, формирующийся миропорядок и на формирование международной повестки дня. В этом плане использование мягкой силы открывает большие перспективы для развития Россией отношений с другими государствами, в том числе с Бразилией. Важнейшим сегментом российской «мягкой силы» в целом является «формирование внешней культурной стратегии России, развитие внешней культурной политики и культурной дипломатии»⁴⁷ на каналах международного гуманитарного сотрудничества. В этом плане ряд исследователей в России (Филимонов Г.Ю.) высту-

⁴⁴ Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации. - 2012. - №2.

⁴⁵ Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И.Косачева газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.

⁴⁶ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // международные отношения. 2014. №2.

⁴⁷ Филимонов Г.Ю.. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

пают за разработку концепции «национальной культурной безопасности» России, которая бы «иллюстрировала совершенствование российских подходов к формированию «оборонительно-наступательного» потенциала отечественной «мягкой силы» и взвешенной политики культурного про-

тектионизма, а также эффективно содействовала наращиванию потенциалов «мягкой силы» и восстановлению комплексного культурно-информационного преобладания Российской Федерации на постсоветском пространстве»⁴⁸. Вероятно, эта инициатива не лишена определенного смысла.

Библиография

1. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // Международные отношения. 2014. №2.
2. Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.
3. Алексеева Т.А. Современные политические теории: опыт Запада: Курс лекций. М. РОССПЭН. 2000. 479 с.
4. Филимонов Г.Ю.. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.
5. Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук., М., 2011, С. 44.
6. Капицын В.М. Космополитизм-компонент “мягкой силы” и глобального управления: [Текст] // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer.-2009.-№ 10.-С. 70.
7. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал “мягкой силы” России: [Текст] / М.М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО университета.-2009.-№ 6.-С. 200.
8. Казанцев, А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования мягкой силы: [Текст] // Полис (Политические исследования).-2008.-№ 2.-С. 122.
9. Шелов-Коведяев Ф.В. Мировой кризис и инструментарий “мягкой силы” для России: [Текст] // Безопасность Евразии.-2009.-№ 3.-С. 218.
10. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics (New York: Public Affairs Group, 2004).
11. Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. 2002; Keohane R., Joseph S. Nye Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. 1977.
12. Зенков А.Р. Взаимодействие религиозных организаций и государства в современной России (на примере Русской православной церкви) / Дисс...канд.полит.наук. М., 2013.
13. Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации.-2012.-№2.
14. Rosenau J. The Scientific Study of Foreign Policy.-N.Y., 1971; Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. – Harvester Wheasheaf. 1990.
15. Definitions of Public Diplomacy // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>
16. Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy
17. Public Diplomacy and the Future, Hearing before the Subcommittee on International Relations. H. R. 95-th Congress / 1st Session. Washington, DC, 1977, p. 685
18. Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского союза в Российской Федерации. / Дисс. ... канд. полит. наук. М. 2012. С.

⁴⁸ Там же.

19. Попов В. И. Современная дипломатия. Теория и практика. – М.: Научная книга, 2000, с. 484
20. Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2. С. 195.
21. Концепция внешней политики Российской Федерации http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
22. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825>
23. Выступление президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». — <http://kremlin.ru/news/15902>
24. Статья заместителя Министра иностранных дел России С.А. Рябкова «Латинская Америка требует особого подхода», журнал «Международная жизнь», № 2, февраль 2012г., стр.14.
25. Путин В.В. «Россия и меняющийся мир». // «Московские новости». 27 февраля 2012 г.
26. Алексеева Т.А. Насилие и демократия в политике США: [Текст] // Международные процессы.-2008.- № 2.-С. 33.
27. Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И. Косачева газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.
28. Валиуллин И.И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке // Международные отношения.-2014.-1.-С. 68-74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
29. Бородинов Е.Н. Причины и следствия государственного переворота на Украине // NB: Международные отношения.-2014.-3.-С. 36-59. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
30. Карпович О.Г. Конфликты цивилизаций: актуальные проблемы // Международные отношения.-2014.-1.-С. 62-67. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9000.
31. Курилкин А.В. Современные подходы к ведению информационных войн // Международные отношения.-2014.-1.-С. 75-80. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10063.
32. Спиридонов В.В. Экономические причины политического конфликта на Украине // NB: Международные отношения.-2014.-4.-С. 45-78. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.4.11528. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11528.html
33. Манойло А.В. О противодействии распространению идеологии «цветных революций» в университетской студенческой среде // Международные отношения.-2013.-4.-С. 420-423. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9755.

References

1. Demidov A.V. Ot «myagkoi sily» k «upravlyaemomu khaosu». // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. №2.
2. Tsygankov P.A. Mezhdunarodnye otnosheniya. – М., 1996.
3. Alekseeva T.A. Sovremennye politicheskie teorii: opyt Zapada: Kurs lektsii. М. ROSSPEN. 2000. 479 s.
4. Filimonov G.Yu.. Aktual'nye voprosy formirovaniya strategii «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – № 1. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.
5. Sukharev A.I. Politicheskoe stanovlenie sub'ektov setevykh gumanitarnykh vzaimodeistvii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh global'nogo mira. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora politicheskikh nauk., М., 2011, S. 44.
6. Kapitsyn V.M. Kosmopolitizm-komponent «myagkoi sily» i global'nogo upravleniya: [Tekst] // Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel'-Observer.-2009.-№ 10.-S. 70.
7. Lebedeva M.M., For Zh. Vysshee obrazovanie kak potentsial «myagkoi sily» Rossii: [Tekst] / M.M. Lebedeva, Zh. For // Vestnik MGIMO universiteta.-2009.-№ 6.-S. 200.
8. Kazantsev, A.A., Merkushev V.N. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya myagkoi sily: [Tekst] // Polis (Politicheskie issledovaniya).-2008.-№ 2.-S. 122.

9. Shelov-Kovedyaev F.V. Mirovoi krizis i instrumentarii "myagkoi sily" dlya Rossii: [Tekst] // Bezopasnost' Evrazii.-2009.-№ 3.-S. 218.
10. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics (New York: Public Affairs Group, 2004).
11. Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. 2002; Keohane R., Joseph S. Nye Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. 1977.
12. Zenkov A.R. Vzaimodeistvie religioznykh organizatsii i gosudarstva v sovremennoi Rossii (na primere Russkoi pravoslavnoi tserkvi) / Diss...kand.polit.nauk. M., 2013.
13. Karpovich O.G. Sravnitel'nyi analiz kontseptsii, modelei i tekhnologii upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami Rossii, SShA i Evropeiskogo Soyuza. / O.G. Karpovich. // Vestnik rossiiskoi natsii.-2012.-№2.
14. Rosenau J. The Scientific Study of Foreign Policy.-N.Y., 1971; Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. – Harvester Wheasheaf. 1990.
15. Definitions of Public Diplomacy // <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>
16. Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy
17. Public Diplomacy and the Future, Hearing before the Subcommittee on International Relations. H. R. 95-th Congress / 1st Session. Washington, DC, 1977, p. 685
18. Galumov A.E. Opyt publichnoi diplomatii v formirovanii imidzha Evropeiskogo soyuza v Rossiiskoi Federatsii. / Diss. ... kand. polit. nauk. M. 2012. S.
19. Popov V. I. Sovremennaya diplomatiya. Teoriya i praktika. – M.: Nauchnaya kniga, 2000, s. 484
20. Kononenko V.A. Sozdat' obraz Rossii? // Rossiya v global'noi politike. 2006. T. 4. № 2. S. 195.
21. Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
22. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2013 g. <http://www.kremlin.ru/news/19825>
23. Vystuplenie prezidenta V.V. Putina na soveshchanii poslov i postoyannykh predstavitelei Rossiiskoi Federatsii po teme «Rossiya v menyayushchemsya mire: preemstvennost' prioritetrov i novye vozmozhnosti». — <http://kremlin.ru/news/15902>
24. Stat'ya zamestitelya Ministra inostrannykh del Rossii S.A. Ryabkova «Latinskaya Amerika trebuetsya osobogo podkhoda», zhurnal «Mezhdunarodnaya zhizn'», № 2, fevral' 2012g., str.14.
25. Putin V.V. «Rossiya i menyayushchiysya mir». // «Moskovskie novosti». 27 fevralya 2012 g.
26. Alekseeva T.A. Nasilie i demokratiya v politike SShA: [Tekst] // Mezhdunarodnye protsessy.-2008.-№ 2.-S. 33.
27. Interv'yu rukovoditelya Federal'nogo agentstva po delam Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv, sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, i po mezhdunarodnomu gumanitarnomu sotrudnichestvu (Rossotrudnichestvo) K.I. Kosacheva gazete «Vedomosti», opublikovannoe 13 marta 2014 goda.
28. Valiullin I.I. Evolyutsiya ponyatiya «informatsionnaya voyna» v politicheskoi nauke // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-1.-C. 68-74. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10064.
29. Borodinov E.N. Prichiny i sledstviya gosudarstvennogo perevorota na Ukraine // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-3.-C. 36-59. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
30. Karpovich O.G. Konflikty tsivilizatsii: aktual'nye problemy // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-1.-C. 62-67. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.9000.
31. Kurilkina A.V. Sovremennyye podkhody k vedeniyu informatsionnykh voin // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-1.-C. 75-80. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.1.10063.
32. Spiridonov V.V. Ekonomicheskie prichiny politicheskogo konflikta na Ukraine // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.-2014.-4.-C. 45-78. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.4.11528. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11528.html
33. Manoilo A.V. O protivodeistvii rasprostraneniyu ideologii «tsvetnykh revolyutsii» v universitetskoj studencheskoj srede // Mezhdunarodnye otnosheniya.-2013.-4.-C. 420-423. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9755.